

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Н. Р. Маликова

«Глокализация» российского общества:
потенциал социокультурной
дезинтеграции

Электронный ресурс

URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Malikova.pdf>

Перепечатка с сайта Социологического
института РАН <http://www.si.ras.ru>

URL: <http://www.civisbook.ru>

Лапкин В.В., Пантин В.И. Ритмы международного развития как фактор политической модернизации России // Полис. 2005. № 3.

Лапкин В.В., Пантин В.И. Русский порядок // Политические исследования. 1997. № 3. С. 33–37.

Лапкин В.В., Пантин В.И.. Ценности постсоветского человека // Человек в переходном обществе. Социологические и социально-психологические исследования. М.: ИМЭМО РАН, 1998. С. 2–33.

Пантин В.И., Лапкин В.В. Эволюция ценностных ориентаций россиян в 1990-е годы // <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/8065.html>.

*Н.Р. Маликова
(РГГУ, Москва)*

«ГЛОКАЛИЗАЦИЯ» РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ПОТЕНЦИАЛ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДЕЗИНТЕГРАЦИИ

В процессе глобализации высветились не только парадоксальные социальные последствия деверсификации мировой экономики, но и принципиально иная картина формирования новых социальных идентичностей.

Объективным следствием и существенной характеристикой глобализации, как известно, является усиление транснациональной миграции. Иммигрантские сообщества США, ЕС, РФ пополняются выходцами из бывших афро-азиатских колоний, из стран распавшейся мировой социалистической системы, бывших граждан СССР и новых независимых государств. Парадоксальным образом процессы постсоветской социально-политической дезинтеграции и европейской интеграции сопровождаются чрезвычайно близким феноменом формирования новых «двусмысленных идентичностей» (С. Бенхабиб, Э. Балибар) среди представителей локальных иммигрантских сообществ. При конструировании новой идентичности, они, как правило, не апеллируют к социально-стратификационным, социально-политическим, политико-идеологическим формам солидарности. В противовес прессингу воздействия внешних социальных влияний со стороны доминирующей нормативной культуры, новой национальной, гражданской идентичности, конструируется «охранительная» (автономно-защитная) основа формирования идентичности иммигрантов, по типу автосегрегации, которая базируется в значительной мере на ценностных ориентациях этнокультурной идентичности.

Приток иноэтничных иммигрантов сопровождается возрастающим знаково-символическим осмыслением не только конфессионального и социокультурного разнообразия локальных мигрантских сообществ. Многие принимающие сообщества, одновременно реформируясь, вынуждены преодолевать социальные последствия глобализации, адаптируясь к принципиально иным, новым социальным практикам в социальном контексте доминирования более жестких стандартов конкурентных рыночных отношений. В этих специфических условиях: социологи, этнологи, психологи фиксировали в своих исследованиях рост интолерант-

ности, межэтнической напряженности между местным населением и иммигрантами.

Однако, не сам по себе факт встречи с иными культурными традициями и нормами приводил к культурному шоку принимающего населения, и не только это обстоятельство способствует повсеместно (и не только в российском обществе) росту мигрантофобии. Скорее всего, политизация феномена этничности, противоречивость самой проблемной ситуации, требующей от иммигрантских сообществ быстрее выбора стратегии адаптации и одновременно, интегративного совмещения, по принципу «здесь и сейчас», квази-иерархических уровней осознания этнической, локальной, национальной (гражданской), региональной (европейской) и глобальной идентичностей. Принимающие сообщества, в большинстве своем полиэтничные и поликонфессиональные стоят перед аналогичным вызовом глобализации.

Общеизвестно, что среди нормативных теорий социологии ключевое место занимает теория аномии, методологическим основанием которой является структурный функционализм (Э. Дюркгейма, Р. Мертон, Р. Дарендорфа). С позиций структурализма, широко известные проявления конфликтных отношений, между социальным (этническим и полиэтничным) принимающим большинством и этническими меньшинствами иммигрантов, можно осмыслить как конфликт между ресурсами и притязаниями. Согласно Р. Дарендорфу, в смутное время класс большинства активно выталкивает некоторые группы своих еще недавно бывших или новых сограждан за порог общества и там удерживает, защищая положение находящихся внутри. Как и прежние господствующие классы, представители большинства находят достаточно причин толковать о необходимости таких границ и готовы «впустить» тех, кто приемлет их ценности, но подчас не готовы и на подобное решение проблемы и устранение новых социально-статусных барьеров. Большинство проводит границы не только горизонтально, но и вертикально (в расово-этническом измерении). Р. Дарендорф отметил в «*Homo Sociologicus*» (1973), что прелести многонационального общества пропали даром для большинства, скорее пекущегося о соблюдении межрасовых (межэтнических) барьеров, чем о достижении открытости. Такое состояние общества — шаг назад в истории развития гражданства.

Действительно, принимающее большинство, и в России и в Европе, демонстрирует интолерантность в отношении иммигрантов. С одной стороны, проявляется неготовность (социокультурная, социально-психологическая) принимающих сообществ к абсорбции иммигрантов. С другой стороны, далеко не у всех иммигрантов, даже во втором поколении, фиксируется наличие установок, личностных и групповых позитивных стратегий адаптации. Все это подпитывают рост взаимной настороженности и напряженности, создавая все новые барьеры к социальной и межэтнической интеграции, осложняя межэтнические отношения, являя собой,

на фоне снижения показателей качества социально-экономической жизни, дополнительный фактор социальной напряженности. Подобная конфликтогенность межэтнических отношений получила обобщающее обозначение конфликтов нового поколения — «конфликтов идентичности».

Провоцируемые радикалистскими политическими группами, манифестированные частью СМИ, антииммигрантские мифологемы распространялись в обществе, заражая часть россиян мигрантофобией. Увеличилось число проявлений радикального этносоциального экстремизма (вандализма, расизма, погромных акций «бритоголовых скинхедов») в отношении иммигрантов. Вследствие этого возросло отчуждение от России: небольшой, но наиболее деятельной части потенциальных мигрантов из стран СНГ. Квалифицированные специалисты, не отыскав перспектив укорениться в России, стали транзитными мигрантами, на пути эмиграции в США, Европу и даже Австралию.

Абсолютно беспристрастное статистическое свидетельство того, в последние годы миграционный приток снижается, говорит не столько о том, что: «все, кто хотел получить гражданство России уже его получили, и, что все кто хотел выехать в Россию уже это сделали», сколько о неудовлетворительной работе миграционных служб. Из всех организационно-управленческих функций по реализации государственной миграционной политики и решению социальных проблем иммигрантов, миграционные службы МВД, справлялись наиболее успешно лишь с репрессивно-охранительными функциями.

Об этом убедительно свидетельствуют данные мониторинга конфликтогенности миграционной ситуации Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН во всех регионах страны. Специалисты — этносоциологи и конфликтологи этнологической сети раннего предупреждения конфликтов — на протяжении последнего десятилетия постоянно отслеживают проявления межэтнических отношений и миграционные установки населения: Северо-Запада (в Карелии); Поволжья и Урала (Башкирия, Мари-Эл, Татарстан, Чувашия, Оренбургская и Волгоградская области); на Северном Кавказе (Адыгея, Дагестан, Кабардино-Балкария, Калмыкия, Ставропольский край и Ростовская область); в Сибири и на Дальнем Востоке (Республика Алтай, Хабаровский край, Томская область) и в ряде стран СНГ. Данные этнологического мониторинга подтверждаются результатами социологического и демографо-статистических исследований ученых Центра изучения проблем вынужденной миграции в СНГ, (под руководством Ж.А. Зайончковской) Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. Аналогичны данные лаборатории миграции Института социально-экономических проблем народонаселения РАН (Е.С. Красинец). Примерно те же социальные реалии миграционной ситуации фиксируют ученые Института социально-политических исследований (Л.Л. Рыбаковский, С.В. Рязанцев), Центра этнополитических и региональных исследований (В.И. Мукомель,

Э.А. Паин) и другие объективные представители российского научного сообщества.

Слухи о наплыве мигрантов явно преувеличены и являются скорее эхом восприятия миграционной ситуации начала 90-х годов. В реальности же во многих регионах идет быстрое сокращение населения, за счет повышения смертности, отрицательное же сальдо демографического воспроизводства не компенсируется механическим приростом за счет миграции. Это, наконец-то привело к осознанию необходимости либерализации миграционной политики. Специфика российских дискурсов о миграции, по мнению автора, состоит в принципиальных отличиях как от контекста обсуждения других российских социально значимых проблем, так и от аналогичных дискуссий на Западе:

- акцентирование внимания исключительно на негативных последствиях иммиграции;
- сегментация дискурсов;
- политическая конъюнктурность.

Е.В. Николаева
(Москва)

ТРАДИЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ: КОНСТРУКЦИИ И ДЕКОНСТРУКЦИИ

В конце XX в. радикальная смена социокультурной парадигмы в России привела к глубокому кризису национальной идентичности и запустила в культуре механизм компенсаторной традициональности (Гудков 1997: 25–33) и семиотизации повседневности. Процесс этот связан со сложной структурой памяти культуры, имеющей скрытые, деактуализированные до момента «культурного взрыва» области — латентные пласты (Лотман 1992) или «подземные» течения в коллективном бессознательном («эндореизм» — Bouvier 1995).

В отсутствие общегосударственной консолидирующей идеи возвращение к истокам в «текстах» российской культуры повседневности оформилось в виде артикуляции мифа об «идеальных» временах прошлого и социокультурных референций к русским или общеславянским архетипам: Государственность, Земля, Слово и Соборность (Николаева 2002: 301–305). При этом столичная культура оперирует общероссийскими знаками традиции, а провинция находит своих культурных героев и исторические артефакты, репрезентирующие традиционные регионального уровня (тульская водка «Левша», водка «Братский острог», тверское пиво «Афанасий», изображение вологодских кружев на упаковке сметаны из Вологды и т.п.).

Этот процесс неизбежно связан со вторичной семантизацией исторических артефактов, субъективированием и конструированием самой ис-